

Сергей Кибальник

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
kibalnik007@mail.ru

Sergei Kibalnik

Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
kibalnik007@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ПОДТЕКСТА В РОМАНЕ ДОСТОЕВСКОГО *ИДИОТ*

ON THE ISSUE OF AUTOBIOGRAPHICAL OVERTONES IN THE DOSTOEVSKY'S NOVEL *THE IDIOT*

История интерпретации романа Достоевского *Идиот* связана главным образом с движением от апологетического понимания князя Мышкина как идеального образа к развенчанию этого героя как человека, неспособного никого спасти и самого погибающего понапрасну. В статье сделана попытка ответить на вопрос о том, насколько состоятельны оба этих подхода. Это осуществляется в ней через решение вопроса о прототипе Мышкина. В главном герое романа *Идиот* обнаруживается существенный автобиографический подтекст. Более того, при внимательном анализе его история оказывается альтернативным вариантом собственной судьбы автора.

Ключевые слова: Достоевский, *Идиот*, роман, автобиографический подтекст, альтернативная биография, Вера Лебедева.

The history of the interpretation of Dostoevsky's novel *The Idiot* is connected mainly with the movement from an apologetic understanding of Prince Myshkin as an ideal image of the novel to the debunking of this hero as a man unable to save anyone and himself dying in vain. The article attempts to answer the question of how consistent both of these approaches are. This is made by the solution of the issue of Myshkin's prototype. In the main character of the novel *The Idiot* a significant autobiographical subtext is found. Moreover, the story of the hero, upon careful analysis, turns out to be an alternative version of the author's own fate.

Key words: Dostoevsky, *The Idiot*, novel, autobiographical overtones, alternative biography, Vera Lebedeva.

ЗАГАДОЧНЫЙ ИЛИ РАСПЛЫВЧАТЫЙ МЫШКИН?

Князь Лев Николаевич Мышкин с самого начала является перед нами в ореоле загадочности. Начиная с того, почему он князь и почему его имя-отчество полностью совпадает с именем-отчеством Толстого...

Загадочным Достоевский сделал Мышкина, как известно, намеренно¹. Это, конечно, не означает, что Мышкин в романе какой-то расплывчатый. Однако, увы, именно таким, расплывчатым, князь предстаёт во многих его литературоведческих истолкованиях. И даже в большинстве художественных рецензий этого образа: от пастернаковского доктора Живаго до некоторых героев кинофильмов Андрея Тарковского.

Каков же он — этот Мышкин: «положительно прекрасный человек», сеющий вокруг себя добро? Или фразёр, благими намерениями которого выложена дорога в ад?..

Немаловажное значение для ответа на этот вопрос имеет вопрос о прототипах данного героя. Их видели в графе Г. А. Кушелеве-Безбородко, князе В. Ф. Одоевском (Д35, 9; 536–537), поэтах Н. П. Огарёве (Борисова: 85–90) и А. А. Григорьеве (Кибальник 2022а). Однако все же во всех этих случаях имеется в виду — и отнюдь небезосновательно — их сходство с Мышкиным по достаточно частным признакам.

ЗА СЧЁТ ЧЕГО СОВЕРШИЛОСЬ «ЧУДО В ЖЕНЕВЕ»?

Как известно, в конце 1867 года Достоевскому пришлось срочно придумывать план совершенно нового романа, а его первую, по первоначальному делению, часть написать за рекордные три недели. Сам писатель объяснял это своего рода «чудо в Женеве» (выражение И. Л. Волгина; см.: Волгин) в письме к А. Н. Майкову от 31 декабря 1867-го (12 января 1868-го) года тем, что в момент кризиса он обратился к своему давнишнему замыслу — «изобразить вполне прекрасного человека» (28, 2; 241).

Само по себе такое решение выручить Достоевского не могло. Тем более что он сам хорошо сознавал: «труднее этого, по-моему, быть ничего не может, в наше время особенно» (28 (2): 241). Однако Достоевский был убежден, что «на свете есть одно только положительно прекрасное лицо — Христос» (28 (2): 246)². Именно в связи с этим весной 1868 года в подготовительных материалах к роману и появляется неоднократно повторённая помета: «Князь Христос» (Д35, 9: 246, 259).

Само по себе решение изобразить какое-то новое воплощение Христа³ — героя, очевидно, вступающего на путь «подражания Хри-

¹ В подготовительных материалах к роману сказано: «Князя Сфинксом. Сфинксом. Сам открывается. Без объяснений от автора, кроме разве первой главы» (Д35: 259).

² Такое уточнение Достоевский сделал уже на следующий день после написания процитированного выше письма А. Н. Майкову — в письме С. А. Ивановой от 1 (13) января 1868 года.

³ Вопрос о результатах такого воплощения Христа в Мышкине ранее затрагивал А. Б. Галкин, отмечая, что, с одной стороны, «в каком-то смысле он сам оказывается поверженным Мессией», а с другой — «брошенное князем Мышкиным нравственное зерно прорастает в душах сестёр Епанчиных и особенно в светлой душе Коли Иволгина» (Галкин: 322). Впрочем, первое и так очевидно, а о втором самим Достоевским чётко сказано в подготовительных материалах к роману: «Но где только он ни прикоснулся, —

сту»⁴, заповеданного Фомой Кемпийским, Франциском Ассизским и др. — конечно же, проясняло в будущем романе многое. А вкупе с одновременно принятым решением «переписать» в нём популярный в то время сюжет о влюблённой куртизанке (Кибальник 2015: 115–331) намечало чёткую фабулу. Теперь Достоевский мог создавать «Жизнь» своего современного «Иисуса», не просто стилизуя его под героя ренановского жизнеописания, а ещё и как бы вписывая его в историю современной Магдалины, влюблённой в современного Христа.

Вполне логичным оказывался в этом плане и один из центральных поворотов нового сюжета. В соответствии с убеждением Достоевского в том, что «сострадание — всё христианство» (Д35, 9: 250), Мышкин в романе не может оставить Настасью Филипповну даже ради собственного счастья с Аглаей.

Для того, чтобы вдохнуть жизнь в эти достаточно общие схемы, Достоевскому всё же нужно было ещё и множество каких-то сильных внешних впечатлений. А по большей части уединённая жизнь четы Достоевских за границей их не давала.

Отчасти писатель выходил из положения так: он писал свои образы с тех, кто был перед его глазами. Так, образ Веры Лебедевой — «лебедя-девы», которую, в отличие от пушкинского «князя Гвидона», — **князь Мышкин** ни от чего не спасает, и в результате она так и не становится его женой, а также непорочной Мадонны с младенцем, стилизованной под излюбленные писателем живописные полотна с изображением Девы Марии, Достоевский отчасти списывает со своей жены (Кибальник 2022).

Она, конечно, не непорочная дева, но с февраля по май 1868 года (до смерти первенца Достоевских, дочери Софьи) Анна Григорьевна на глазах у писателя — точно так же как Вера Лебедева на глазах у Мышкина — по большей части с младенцем на руках.

Когда внешних впечатлений мало, писателю приходят на помощь воспоминания. После смерти в 1864 году своей первой жены Марьи Дмитриевны Достоевский высказывал в своих рабочих тетрадях такую мысль: по-настоящему осуществить своё высшее предназначение человек может, только отрешившись от своего эгоизма и личного стремления к счастью. Именно это было присуще Христу.

А «**женитьба и посягновение на женщину**», по Достоевскому, «**есть как бы величайшее оттолкновение от гуманизма**». Ведь получается «**совершенное обособление пары от всех**» (20: 173). То есть для осуществления своего высшего предназначения человек должен, как Христос, чуждаться половой любви и не заводить семью.

езде он оставил неисследимую черту» (Д35, 9: 251). Однако и Христос ведь не столько спасал, сколько показал пример всепрощения и самоотверженности. При этом, также как и Мышкин, он безвременно погиб.

⁴ О Мышкине как о христоподобном образе ранее специально писала Ирина Кириллова. Впрочем, почти никак не мотивируя это, она почему-то находит в нём «срыв в трагическую пародию» (Кириллова: 82–90).

Запись эта не раз комментировалась, но не рассматривалась до сих пор в связи с собственной биографией Достоевского. Между тем, по всей видимости, разочарованный в своём первом браке и потрясённый смертью жены, Достоевский сам подумывал тогда о том, чтобы больше не вступать в брак. То есть примеривал «подражание Христу» на себя самого.

Может быть, образ князя Мышкина, созданный уже женатым писателем, воплощает некоторые жизненные идеалы, которые он сам исповедовал незадолго до этого? Кстати, возможно, в середине 1860-х годов Достоевский делал это не только в данном смысле. Достаточно вспомнить, как легко, по первой просьбе, он готов был выручить подчас отнюдь не самых близких знакомых деньгами.

В подготовительных материалах к роману также всячески подчёркивается: «Князь невинен!» (ДЗ5, 9: 245). Сполна наделён этим качеством Мышкин и в самом романе. Достоевский как бы ставит в нём художественный эксперимент: что, если его «Князь-Христос» будет «невинен», как Иисус? Сможет ли он сделать счастливой не какую-то одну женщину, а всех людей — хотя бы только окружающих? И совместимы ли «невинность» и такая способность к состраданию с личным счастьем человека?

ЧЕРТЫ ДОСТОЕВСКОГО В МЫШКИНЕ

Если приглядеться, то можно заметить в Мышкине некоторые черты Достоевского, присущие ему не только в недавнем прошлом, но и в настоящем. Ведь некоторые черты писателя в князе отмечала ещё его жена Анна Григорьевна. А затем немало других таких черт обнаружили исследователи.

Может быть, имя-отчество Льва Толстого и титул «князя» не в последнюю очередь и нужны в романе именно для того, чтобы читатель пошёл по ложному следу? И не распознал в его главном герое самого автора?⁵

Ведь от Достоевского в Мышкине очень много. Он даже внешне похож на молодого Достоевского: **«очень белокур <...> с лёгонькою, востренькою, почти совершенно белою бородкой»** (ДЗ5, 8: 6). Напомню: в начале романа Мышкин — «молодой человек» «лет двадцати шести или двадцати семи» (ДЗ5, 8: 6). А Достоевский в молодости, по единодушному свидетельству современников, также был блондином. Причём, волосы у него **«были более чем светлые, почти беловатые»** (*Достоевский в воспоминаниях*, 1: 231; см. также свидетельство А. Е. Ризенкампа: Там же, 1: 176).

Писатель наделяет Мышкина своим собственным недугом — эпилепсией. Причём о своих ощущениях во время припадков герой рассказывает в весьма сходных с автором выражениях (ДЗ5, 8: 535).

⁵ Это соображение, разумеется, несколько не противоречит тому обстоятельству, что в высказываниях и поступках князя Мышкина, судя по всему, есть отдельные частные реминисценции из сочинений Толстого. См.: Новикова: 186–190.

У Мышкина необыкновенные способности к каллиграфии, которые не вызывают сомнений и в самом Достоевском: стоит только взглянуть на его творческие рукописи.

Князь отдаёт свои последние деньги первому, кто у него их спросит. Именно таким человеком нередко бывал сам Достоевский.

После получения наследства князь удовлетворяет кредиторов «по документам спорным, ничтожным», а то «так и вовсе без документов» (ДЗ5, 8: 169). Именно так поступал сам Достоевский с истинными и мнимыми кредиторами своего покойного брата. А, впрочем, он делал так и раньше — особенно в молодости — общаясь со своими собственными кредиторами.

Мышкин неоднократно характеризуется в романе как «христианин» и «демократ какой-то непозволительный» (ДЗ5, 8: 466, 351). Во многом это, разумеется, верно и применительно к личности Достоевского.

В князе всё время подчёркиваются его наивность и доверчивость. И в то же время редкая пронизательность, которой в нём восхищаются и Лебедев, и Келлер, и едва ли не все другие герои романа. Таким же было впечатление от общения с Достоевским у многих его знакомых. И уж, конечно, впечатление многих его читателей.

Возможно, с пребыванием самого Достоевского в Женеве отчасти связано «применение» к Мышкину Аглаей пушкинского стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...» в редакции *Сцен из рыцарских времен*. Ведь в полной его редакции, которая, возможно, также была известна Достоевскому, есть строка: «Путешествуя в Женеву...» (27: 44), которую сам писатель впоследствии приведёт в рабочей тетради 1880–1881 годов (Соломина-Минихен: 82).

Как известно, передан Мышкину и ряд других черт Достоевского... Здесь нет возможности перечислить их все, но важно подчеркнуть, что их множество и что стоит учитывать их все в совокупности...

СУДЬБА МЫШКИНА КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ БИОГРАФИЯ ДОСТОЕВСКОГО

Отразились в сюжете романа — разумеется, в преломлённом виде — и некоторые моменты судьбы писателя.

Так, князь лечился в Швейцарии, в которой в момент создания первой части романа жил сам Достоевский. Причём, боясь сойти с ума из-за участвовавших приступов эпилепсии, писатель говорил Анне Григорьевне, что ему «не миновать сумасшедшего дома и просил, если бы с ним случилось это несчастье, то не оставить его за границей, а перевезти в Россию»⁶. Так что будущий главный герой «Идиота» был, очевидно, реализацией самых мрачных опасений Достоевского относительно его собственной судьбы.

⁶ Запись от 6 <сентября> / 25 <августа> (Достоевская: 238). Между тем первая запись подготовительных материалов к роману (ПМ 1) датирована 14 сентября 1867 года (ДЗ5, 9: 109).

Как известно, в период создания романа Достоевский, будучи женатым человеком, испытывал платоническое увлечение своей племянницей Софьей Ивановой, которой и посвящён роман *Идиот*. Так что парадоксальное намерение Мышкина «любить» сразу двух женщин — если воспользоваться формулировкой Евгения Павловича Радомского⁷ — вполне соответствовало внутренней жизни писателя в период создания романа (Степанян: 123–126).

В запутанной истории сложных отношений Мышкина с Настасьей Филипповной исследователи давно заметили преломление любовного романа Достоевского с Аполлинарией Суловой. Причём эта сюжетная линия романа находит некоторое соответствие в том несколько отвлечённо-согратательном, сентиментально-гуманистическом понимании христианства, которое и раньше было присуще писателю — от *Бедных людей* (1845) до *Униженных и оскорблённых* (1861)⁸.

Между тем история помолвки, а затем разрыва писателя с Анной Корвин-Круковской явно отразилась в отношениях Мышкина с Аглаей Епанчиной. Более того, в изображении всего семейства Епанчиных: трёх сестёр, их матери Лизаветы Прокофьевны и даже генерала Епанчина — явно сказались черты семейства Корвин-Круковских.

Отец Анны Васильевны, как и Епанчин, был генералом. Мать её так походила характером на мать Аглаи, что Достоевский лишь немного изменил её имя-отчество: *Елизавету Фёдоровну* он сделал в своём романе *Лизаветой Прокофьевной*.

Наконец, сестёр у Аглаи две, а не одна, как у Анны Корвин-Круковской. Зато одна из них — Аделаида — в подготовительных материалах к роману питает к Мышкину «немую любовь» (Д35, 9; 267). Именно такую любовь к Достоевскому испытывала младшая сестра Анны Корвин-Круковской Софья — в будущем знаменитый математик Софья Ковалевская (*Достоевский в воспоминаниях*, 2: 19–40).

Очень многое, даже эпизод из четвёртой части романа, в котором Мышкин на вечеру у Епанчиных разбивает китайскую вазу, содержит прямые параллели с её мемуарным рассказом о прощальном вечере в доме Корвин-Круковских перед их отъездом из Петербурга весной 1865 года (см.: Д35, 9: 537–539; *Достоевский в воспоминаниях*, 2: 29–32).

⁷ «— Как же? Стало быть, обеих хотите любить?»

— О, да, да!

— Помилуйте, князь, что вы говорите, опомнитесь!» (Д35, 8: 534).

⁸ Достоевский был преисполнен беспримерного сочувствия к своим героям. При этом вплоть до *Записок из подполья* (1863) он немного забывал об их собственной ответственности за свою судьбу. И верил в возможность всеобщего примирения их — пусть даже и самых противоположных — интересов. Так, в *Униженных и оскорблённых* Наташа Ихменева, хотя и любит, но без борьбы и ревности уступает Алёшу Валковского Кате Филимоновой. В *Идиоте* аналогичное «обожание» Аглаи Епанчиной Настасьей Барашковой продолжается только до момента их первой встречи друг с другом...

Так что в романе *Идиот* изображено, что было бы с Достоевским, если бы он не имел творческого дара, если бы эпилепсия сначала привела его к безумию, а потом, после ряда лет просветления, снова ввергла в бессознательное состояние. И если бы на смену его бурным увлечениям Сусловой и Корвин-Круковской не пришли бы куда более ровные отношения с его будущей женой.

В отличие от Достоевского, Мышкин, увы, до самого конца так и не осознаёт, что ему нужна не Настасья Филипповна и даже не Аглая. По-настоящему счастлив он мог быть только с такой женщиной, как Вера Лебедева. «Любовь к женщине, могущая послужить основанием для счастливого брака, — отмечал еще Н. О. Лосский, — медленно созревала в душе князя Мышкина в отношении к Вере Лебедевой и встречала ответ с ее стороны. <...> Рассуждая с Евгением Павловичем о своем отношении к Аглае, к Настасье Филипповне, князь признался, что хотя он чувствует глубокое сострадание к Настасье Филипповне, он в то же время боится ее лица. “Вот у Веры, у Лебедевой, совсем другие глаза”, — вдруг вставил он» (Лосский: 306).

Итак, в судьбе князя можно видеть своего рода альтернативную биографию самого Достоевского. Как бы реализацию самых мрачных вариантов его судьбы, которых самому писателю, к счастью, удалось избежать. И одновременно своего рода восхождение на оставшуюся в полной мере недостижимой для него в реальной жизни высоту внутреннего преобразования.

Во многом князь Мышкин — это, по-видимому, сам Достоевский — изображённый им самим на пределе своих духовных устремлений. И, конечно же, это делает его, с одной стороны, далеко не идеальным героем, а с другой — образом, все же очень близким самому писателю.

УДАЛОСЬ ЛИ САМОМУ ДОСТОЕВСКОМУ «ПОДРАЖАНИЕ ХРИСТУ»?

Мемуаристы отмечали, что из-за границы Достоевский вернулся другим человеком. Некоторые из них объясняли это тем, что «в нём совершилось особенное раскрытие того христианского духа, который всегда жил в нём» (*Достоевский в воспоминаниях*, 2: 496). Однако дело, по-видимому, было в другом. За границей Достоевский сжился с женой. И произошло это не в последнюю очередь через переживание ими общей утраты.

В мае 1868 года — когда работа над романом *Идиот* была ещё в самом разгаре — супруги Достоевские потеряли своего первенца — дочь Соню. Она умерла, будучи всего лишь нескольких месяцев от роду. По свидетельству жены писателя, на него эта смерть произвела очень сильное впечатление. Достоевский долго не мог примириться с ней.

Под влиянием всех этих переживаний писатель, по всей видимости, всё больше осознаёт: человеку в первую очередь нужны любовь, семья,

дети. А от него самого требуется посвящённость им. Вовсе не «человечеству вообще»...

Недаром один из главных — и наиболее автобиографических — героев *Братьев Карамазовых*, старец Зосима, будет неустанно говорить о значении «копыта деятельной любви». Впрочем, и в других романах Достоевского 1870-х годов: в *Бесах* и *Подростке* — мы уже не находим такого, идеально-жертвенного героя, как Мышкин. На смену ему приходят герои, вначале пренебрегающие ответственностью за своих близких, но постепенно осознающие её.

Именно таковы Степан Трофимович Верховенский, Андрей Петрович Версилов, Дмитрий Фёдорович Карамазов...

ЛИТЕРАТУРА

- Борисова Валентина. «Н. П. Огарёв как прототип князя Мышкина». *Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения*: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 21. Москва — Иркутск: Вост.-Сибир. гос. академия образования, 2009: 85–90.
- Волгин Игорь. «Чудо в Женеве». *Текст и традиция: Альманах*. Т. 8. Санкт-Петербург.: Росток, 2020: 56–95.
- Галкин Александр. «Образ Христа и концепция человека в романе Ф. М. Достоевского *Идиот*». *Роман Ф. М. Достоевского Идиот: современное состояние изучения*. Сб. ст. / ред. Т. А. Касаткина. Москва: Наследие, 2001: 319–336.
- Достоевская Анна. *Дневник 1867 года*. Изд. подгот. С. В. Житомирская. Москва: Наука, 1993.
- Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений. В 30 т.* Ленинград: Наука, 1972–1990.
- Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений. В 35 т.* Т. 1–11. Санкт-Петербург: Наука, 2013–2022.
- Кибальник Сергей. «Морфология романа Достоевского и современные проблемы теории интертекстуальности». Кибальник С. А. *Чехов и русская классика: проблемы интертекста: Статьи, очерки, заметки*. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2015: 115–331.
- Кибальник Сергей. «“Пескйнская Мадонна” (Образ жены писателя на страницах романа *Идиот*)». *Текст и традиция: Альманах*. Т. 10. / Гл. ред. Е. Г. Водолазкин. Санкт-Петербург: Росток, 2022: 25–46.
- Кибальник Сергей. «Аполлон Григорьев и Достоевский (Художественные воплощения, трансформация и переоценка русского почвенничества)». *Неизвестный Достоевский* 4 (2022): 159–170.
- Кириллова Ирина. *Образ Христа в творчестве Достоевского: Размышления*. Москва: Центр книги Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино, 2010.
- Лосский Николай. *Достоевский и его христианское миропонимание*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953.
- Новикова Елена. *“Nous serons avec le Christ”: Роман Ф. М. Достоевского Идиот*. Томск: Издательство Томского университета, 2016.
- Соломина-Минихен Наталья. *О влиянии Евангелия на роман Достоевского Идиот*. Санкт-Петербург: Скифия, 2016.
- Степанян Карен. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского. Москва: Раритет, 2005.
- Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников*. В 2 т. Москва: Художественная литература, 1990.

REFERENCES

- Borisova Valentina. «N. P. Ogaryov kak prototip knyazya Myshkina». *Tri veka russskoj literatury: Aktual'nye aspekty izucheniya: Mezhvuz. sb. nauch. tr.* Vyp. 21. Moskva — Irkutsk: Vost.-Sibir. gos. akademiya obrazovaniya, 2009: 85–90.
- Dostoevskaya Anna. *Dnevnik 1867 goda*. Izd. podgot. S. V. Zhitomirskaya. Moskva: Nauka, 1993.
- Dostoevskij Fedor. *Polnoe sobranie sochinenij*. V 30 t. Leningrad: Nauka, 1972–1990.
- Dostoevskij Fedor. *Polnoe sobranie sochinenij*. V 35 t. T. 1–11. Sankt-Peterburg: Nauka, 2013–2022.
- F. M. Dostoevskij v vospominaniyah sovremennikov. V 2 t. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1990.
- Galkin Aleksandr. «Obraz Hrista i koncepciya cheloveka v romane F. M. Dostoevskogo Idiot». *Roman F. M. Dostoevskogo Idiot: sovremennoe sostoyanie izucheniya. Sb. st.* Moskva: Nasledie, 2001: 319–336.
- Kibal'nik Sergej. «Morfologiya romana Dostoevskogo i sovremennye problemy teorii intertekstual'nosti». Kibal'nik Sergej. *Chekhov i russkaya klassika: problemy interteksta: Stat'i, ocherki, zametki*. Sankt-Peterburg: ID «Petropolis», 2015: 115–331.
- Kibal'nik Sergej. «“Peskinskaya Madonna” (Obraz zheny pisatelya na stranicah romana Idiot)». *Tekst i tradiciya: Al'manah*. T. 10. / Gl. red. E. G. Vodolazkin. Sankt-Peterburg: Rostok, 2022: 25–46.
- Kibal'nik Sergej. «Apollon Grigor'ev i Dostoevskij (Hudozhestvennye voploshcheniya, transformaciya i pereocenka russkogo pochvennichestva)». *Neizvestnyj Dostoevskij* 4 (2022): 159–170.
- Kirillova Irina. *Obraz Hrista v tvorcestve Dostoevskogo: Razmyshleniya*. Moskva: Centr knigi Vserossijskoj gosudarstvennoj biblioteki inostrannoj literatury im. M. I. Rudomino, 2010.
- Losskij Nikolaj. *Dostoevskij i ego hristianskoe miroponimanie*. N'yu-Jork: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1953.
- Novikova Elena. “*Nous serons avec le Christ*”: *Roman F. M. Dostoevskogo Idiot*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2016.
- Solomina-Minihen Natal'ya. *O vliyanii Evangelii na roman Dostoevskogo Idiot*. Sankt-Peterburg: Skifiya, 2016.
- Stepanyan Karen. «*Soznat' i skazat'*»: «*Realizm v vysshem smysle*» kak tvorcheskij metod F. M. Dostoevskogo. Moskva: Raritet, 2005.
- Volgin Igor'. «Chudo v Zheneve». *Tekst i tradiciya: Al'manah*. T. 8. Sankt-Peterburg.: Rostok, 2020: 56–95.

Сергеј Кибалњик

ПОВОДОМ ПРОБЛЕМА АУТОБИОГРАФСКОГ ПОДТЕКСТА
У РОМАНУ *ИДИОТ* ДОСТОЈЕВСКОГ

Резиме

Историја тумачења романа *Идиот* Достојевског начелно је повезана са кретањем од апологетског схватања кнеза Мишкина као идеалног лика до разоткривања овог јунака као човека, неспособног да спасе било кога и који и сам напрасно умире. Чланак настоји да одговори на питање колико су оба ова приступа конзистентна. То се реализује кроз решавање питања Мишкиновог прототипа. У главном јунаку романа *Идиот* открива се кључни аутобиографски подтекст. Штавише, након пажљиве анализе испоставља се да је прича јунака алтернативна верзија судбине самог аутора.

Кључне речи: Достојевски, *Идиот*, роман, аутобиографски подтекст, алтернативна биографија, Вера Лебедева.